
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова

Я.Г. ШЕМЯКИН*

*Шемякин Яков Георгиевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт Латинской Америки. Адрес: 115035, Москва, Большая Ордынка, д. 21. E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Цитирование: Shemyakin Ya. (2016) A Comparison of Russia and Latin America as Civilizations: Reflections on the Books of Zemskov. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 154–180 (in Russian)

Основное содержание статьи составляет сравнительный анализ России и Латинской Америки. Эта задача решается в контексте творческого диалога с теоретическим наследием известного отечественного ученого, историка, культуролога и филолога В.Б. Земскова (1940–2012). Автор обосновывает концепцию, в соответствии с которой латиноамериканская и российско-евразийская культурно-исторические макрообщины являются цивилизациями «пограничного» типа и планетарного масштаба. Автор данной статьи пришел к выводу, что критерием для выделения «пограничного» цивилизационного типа является особое соотношение начал (принципов) единства и многообразия, а именно доминанта многообразия, которое довлеет над единством, хотя последнее, тем не менее, реально. Одним из основных результатов сравнительного цивилизационного анализа России и Латинской Америки стал вывод о том, что главным фактором достижения целостности «пограничных» цивилизационных систем является особый способ связи сторон тех острейших противоречий, из которых соткана «ткань» социокультурного бытия «пограничья», определяемый как «взаимоупор». Автор прослеживает, каким образом логика «взаимоупора» проявляется в самых различных сферах российской и латиноамериканской жизни. При этом особое внимание уделено попытке сравнительного институционального анализа рассматриваемых цивилизационных «пограниччии».

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационная компаративистика, «классическая» цивилизация, «пограничная» цивилизация, антиномичность, амбивалентность, «взаимоупор» сторон противоречий

Начало 2015 г. ознаменовалось важным для отечественных социальных и гуманитарных наук событием: вышли в свет две книги, в которые включены все основные работы выдающегося культуролога, филолога, историка Валерия Борисовича Земскова (1940–2012) [Земсков 2014; Земсков 2015], а также посвященный его памяти сборник материалов по итогам последней организованной им в июне 2012 г. международной научной конференции «Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры/литературы» [Проблемы культурного пограничья 2014].

Сразу же хотелось бы подчеркнуть: значение трудов В.Б. Земскова выходит за пределы латиноамериканистики. И хотя он достаточно широко известен среди культурологов и филологов, по наблюдениям автора статьи, определенная часть нашего научного сообщества не знакома либо мало знакома с его творчеством, и это особенно заметно в отношении русистов. Между тем значимая часть наследия В.Б. Земскова посвящена именно истории и современному состоянию России, как правило, в контексте сравнения с другими человеческими мирами-цивилизациями, прежде всего с Латинской Америкой. Осознание важности и эвристической ценности сравнительного изучения латиноамериканских и российских реалий побудили приступить к решению этой задачи на рубеже 1990-х гг.

Подобное изучение – это и особый метод самопознания России, и ознакомить читателя с этим методом, ввести его в круг обсуждаемых в рамках этого направления проблем – цель данной работы. Значение цивилизационной компаративистики резко возрастает в условиях современного этапа мирового развития, когда в мире разворачиваются одновременно два качественно различных по своей онтологии, противоположно направленных процесса: глобализация и тот процесс, который крупнейший мексиканский мыслитель и поэт, лауреат Нобелевской премии О. Пас [Paz 1986, p. 100] назвал «мятежом исключений»: речь идет о практически повсеместно наблюдаемом явлении усиленной акцентировки черт своеобразия локальных и региональных общностей различного уровня, типа и масштаба – этнических, языковых, религиозных, территориальных и т.п. Самыми крупными и значимыми из общностей такого рода являются цивилизации. В ходе столкновения, переплетения и взаимного наложения названных двух процессов и рождается крайне противоречивая мозаика современного мира.

Цивилизационный уровень сложности: системный критерий

Итак, если следовать классическому научному методу Р. Декарта (в своей недавней публикации автор постарался привести доказательства сохранения его универсальной значимости для всей сферы гуманитарных наук)¹, начинать надо с простого и очевидного; затем посредством дедукции получать все более сложные выводы; при

¹ См.: [Шемякин (1) 2014, с. 37–51].

этом действовать так, чтобы в ходе рассуждения не было упущено ни одного звена, т.е. сохранять непрерывность цепи умозаключений [Декарт 1950, с. 89]. Что можно выделить в качестве «простого и очевидного» в исходном пункте сравнительного цивилизационного исследования? Наверное (в том, что касается заявленной темы), это констатация того, что Латинская Америка и Россия – это огромные по своим масштабам человеческие миры, обладающие собственным культурно-историческим лицом. Наиболее убедительным доказательством данного утверждения является сам факт их пребывания на арене мировой истории. Сегодня даже самые ярые западники вряд ли решатся утверждать, что эти культурно-исторические регионы – не более чем простые продолжения европейской цивилизации, своего рода тавтология мировой истории. Причем если их роль сводится к роли периферии Запада, неизменно отмечается своеобразие российских и латиноамериканских реалий по сравнению с центрами фаустовской цивилизации.

Следующее звено в цепи дедукции – необходимость дать ответ на вопрос: какие это миры? И В.Б. Земсков, и автор этих строк, и многие его коллеги² – все они исходили и исходят из того, что наиболее адекватный термин, подходящий для того, чтобы в одном слове выразить характер, масштаб и уровень сложности этих человеческих миров, – «цивилизация». Какие имеются основания утверждать, что российская и латиноамериканская общности имеют цивилизационный статус? Ответ на этот вопрос напрямую зависит от того, какое содержание вкладывается в понятие «цивилизация». Будучи неизменным участником дискуссий по цивилизационной проблематике (примерно с середины 80-х гг. прошлого века), автор давно заметил одну характерную особенность: на каком-то этапе они неизменно вновь и вновь возвращались к исходному пункту – к проблеме определения центрального понятия. Это является несомненным признаком того, что данное научное направление еще не вполне сформировалось, находится на стадии формирования. В подобной ситуации необходимо изначально определить собственную трактовку рассматриваемого понятия. Далее автор статьи предельно кратко излагает свои соображения на этот счет, поскольку без этого дальнейшее изложение теряет всякий смысл.

Итак, цивилизация понимается в данном случае как способ решения ключевых проблем-противоречий человеческого существования (между мирской и сакральной сферами жизни, человеком и природой, индивидом и социумом, традиционной и инновационной сторонами культуры), закрепленный в определенных ценностных ориентациях поведения и системе социальных институтов, призванных обеспечить воплощение в жизнь этих ориентаций. Как показал опыт цивилизационных исследований, такое определение позволяет лучше всего отразить связь универсального и локального измерений той человеческой реальности, которую выражает понятие «цивилизация», а также содержит в себе очень удобные параметры для сравнения различных человеческих миров.

² См., напр.: [Земсков 2014; Земсков 2015; Шемякин 2001; Шемякин (2) 2007, с. 75–84; Шемякин (1) 2013, с. 23–45; Шемякин (2) 2014, № 2, с. 113–123; №3, с. 119–125; Шемякин (3) 2014, с. 145–161; Кофман 1997; Кофман 2012; Гирич 2008; Степанов, Балашов, Бердников, Земсков, Кутейщикова, Тертерян 1985, 1988, 1994, 2004, 2005; Iberica Americans 1991, 1994, 1997, 2002, 2009].

Каждая цивилизация вырабатывает собственный подход к решению ключевых экзистенциальных проблем. То, что и для русских, и для латиноамериканцев характерен свой, особый взгляд на мир и жизнь, существенно отличный от мировидения западноевропейцев и североамериканцев, признается практически всеми. Если это так, то в случае с Россией и Латинской Америкой речь должна идти о системах цивилизационного уровня сложности. Можно ли найти какой-то критерий, позволяющий определить наличие (или отсутствие) такого уровня? Это можно сделать, прибегнув к использованию того методологического инструментария, который был разработан Т. Парсонсом. Созданная им с помощью этого инструментария теоретическая модель получила, как известно, широкое распространение в системных социальных исследованиях.

Согласно Парсонсу, можно выделить четыре подсистемы общества, каждая из которых выполняет одну из необходимых для нормального функционирования социального организма функций:

- адаптивную (практически совпадающую с материальным производством, экономикой);
- подсистему целеполагания или целедостижения (эмпирически это – политическая организация);
- подсистему интеграции (в нее включаются принятые тем или иным обществом системы норм, механизмы разрешения внутренних конфликтов, различные сообщества людей, обеспечивающие воплощение норм и функционирование данных механизмов);
- подсистему «поддержания образца» (*pattern maintenance*), или латентную подсистему, в рамках которой генерируются и поддерживаются базовые ценности, придающие смысл самому существованию той или иной человеческой общности, определяющие главные черты ее исторического лица, ее представление о себе самой и своих задачах.

Важнейшая функция последней подсистемы – формирование и поддержание знаково-символической структуры, т.е. определенным образом организованной совокупности знаков и символов, обеспечивающих коммуникацию между людьми, воспроизводимой каждым новым поколением, включающей не меняющиеся ее характера новации, но неизменной в своих основах [*Parsons 1937; Parsons 1951; Parsons 1964; Parsons 1969; Parsons 1971; Parsons 1977; Парсонс 1965; Парсонс 1998; Парсонс 2002*].

Л.А. Седов творчески интерпретировал концепцию Парсонса, опираясь на кибернетические представления, и внес в нее существенное дополнение. Согласно Седову, возможно доминирование одной из выделенных подсистем, и в этом случае они «располагаются еще и иерархически, одна над другой, вышестоящие выполняют роль регулирующего механизма, содержат обобщенную программу действия; нижестоящие обеспечивают энергетические ресурсы для осуществления действия» [*Седов 1987, с. 56*]. Седов весьма успешно применил модель Парсонса в качестве средства сравнительного изучения различных цивилизаций Запада и Востока [*Седов 1987, с. 56–62*]. Анализ результатов его исследования, как и трудов Парсонса, необходимым образом приводит к выводу, что наличие в рамках какой-либо общественной системы подсистем, отвечающих за главные, жизненно

важные социальные функции, может служить достоверным свидетельством того, что речь идет о системе цивилизационного уровня сложности.

Впрочем, результаты собственных исследований, попытка осмыслить институциональные особенности различных типов цивилизаций привели к выводу, что схема Парсонса–Седова, при всей ее значимости, все же является неполной и нуждается в дальнейшем развитии. Дело в том, что к числу важнейших, жизненно необходимых для нормальной жизнедеятельности социального организма социальных функций принадлежит еще одна: функция обеспечения необходимых изменений, обусловленных императивами существования в определенной социальной и природной среде и приспособления к ней. Иными словами, речь идет об инновационной деятельности, наличие которой прямо обусловлено тем, что человек, будучи носителем разума, есть тем самым и человек познающий. Процесс познания мира и себя – одно из главных проявлений жизнедеятельности человека и общества, а человеческая культура всегда являет собой неразрывное, хотя и противоречивое единство традиционной и инновационной сторон, причем в каждой из них культура проявляет себя как целостность [Шемякин 1987]. По-видимому, пока в системном единстве «традиция–инновация» доминировала традиция, а инновационная активность жестко сдерживалась либо вообще табуировалась, функция обеспечения необходимых обществу нововведений была в целом включена в подсистему «поддержания образца». Само собой разумеется, что невозможно было «поддерживать образец», не внося в него какие-то необходимые (но не затрагивающие фундаментальных основ существующей картины мира и основанных на ней ценностных ориентаций поведения во всех сферах жизни) изменения. Ситуация существенно изменилась со сдвигом в соотношении «традиция–инновация», который был связан с научной революцией XVII в., а затем – промышленной и научно-технической революциями XVIII–XX вв., когда на первый план вышла и стала преобладать инновационная сторона культуры. В этой ситуации возникла необходимость в отпочковывании от подсистемы *pattern maintenance* еще одной подсистемы, ответственной за продуцирование новаций. Первоначальной основой данной подсистемы стала новоевропейская наука, превратившаяся и в важнейший вид деятельности, и в один из основных социальных институтов. Инновационная активность впервые утвердилась как особая система не только обновления и новой интерпретации старых, но и создания новых смыслов. По всей вероятности, есть все основания утверждать, что в эпоху модернизации (первоначально в одном цивилизационном ареале – на Западе) сформировалась особая подсистема социального организма, которая может быть названа «подсистемой изменения образца» и которая находится в противоречивом, но неразрывном единстве с подсистемой *pattern maintenance*. В своем совокупном действии обе эти подсистемы образуют механизм выработки экзистенциальной ориентации общества и человека. Концепция 5-й подсистемы, несомненно, нуждается в дальнейшей теоретической разработке. Пока она пребывает в статусе научной гипотезы. Встает несколько принципиальных вопросов, на которые автор этих строк пока не может дать определенный ответ.

Ясно, что «подсистема изменения образца» первоначально сформировалась именно как отдельная подсистема вместе с комплексом ценностей модернизации во вполне определенном – западном – цивилизационном ареале. Можно ли говорить

о формировании аналогичных подсистем в других цивилизациях, или речь должна идти исключительно о восприятии потока новаций, исходящих из западных центров? Является ли создание собственных «подсистем изменения образца» *conditio sine qua non* полноценной модернизации в том числе и во всем незападном мире?

В условиях «фаустовской» цивилизации 5-я подсистема, как уже говорилось, зародилась в рамках подсистемы *pattern maintenance* и затем отпочковалась от нее. Есть определенные сомнения, что повторение этого пути генезиса подсистемы «изменения образца» соответствует условиям неевропейских цивилизаций. Возможно, здесь могли быть реализованы иные варианты, например, зарождение 5-й подсистемы первоначально в рамках подсистемы целеполагания?

Механизм, продуцирующий новации, очевидным образом не ограничен наукой: нововведения могут пробивать себе дорогу и в других сферах (от экономики до искусства), причем без участия науки. Впрочем, столь же очевидно, что именно наука явилась решающим фактором, создавшим общую инновационную атмосферу в обществе, но это в полной мере относится лишь к ареалу западной цивилизации. Как обстоит дело во всех иных цивилизациях, в том числе «пограничных»? Какова в них специфика соотношения инновационного импульса и институциональной структуры?

Так или иначе, уровень теоретической проработки сформулированной гипотезы пока недостаточен для использования ее в качестве инструмента сравнительного цивилизационного исследования. Поэтому следует заранее оговориться, что без подключения данного параметра сравнительный институциональный анализ российской и латиноамериканской цивилизаций будет неполным. Восполнить этот пробел – дело будущего. Данное же конкретное компаративное исследование будет осуществляться в дальнейшем с использованием методологического инструментария, разработанного Парсонсом и Седовым.

Масштаб и степень целостности как отличительные признаки социокультурной системы цивилизационного уровня

Помимо соответствующего уровня сложности, полноценная цивилизация необходимым образом предполагает охват достаточно обширной территории и достаточно большого числа людей, т.е., определенный масштаб. Размеры и численность населения той или иной цивилизационной зоны каждый раз определяются конкретно-исторически.

Итак, определяющие признаки цивилизационной системы – соответствующие уровень сложности и масштаб. Вряд ли можно найти сколько-нибудь серьезные доводы, которые позволяли бы отрицать наличие в обоих рассматриваемых культурно-исторических регионах всех функционирующих так или иначе подсистем³. Что касается масштаба сопоставляемых миров – то это из области очевидного.

Есть, однако, еще один обязательный отличительный признак цивилизации – та или иная степень целостности. Здесь следует отметить, что и в России,

³ Необходимо напомнить, что 5-я подсистема пока остается вне рамок сравнительного анализа.

и в Латинской Америке есть и такие направления мысли, которые категорически отрицают саму возможность представить латиноамериканскую и российскую действительность как нечто целое⁴.

Рассмотрим аргументы тех, кто отстаивает мысль о невозможности воспринимать российскую и латиноамериканскую действительность как определенное единство. Что является для них главным доказательством отсутствия такового? Ответ очевиден: качественная разнородность многообразных составляющих. Многообразие, по этой логике, исключает единство, либо, по меньшей мере, делает его чем-то сугубо иллюзорным. Мы категорически не согласны с подобной постановкой вопроса. Автору статьи уже приходилось, и не раз, подробно обосновывать иную точку зрения [Шемякин 2001; Шемякин (1) 2007; Шемякин (2) 2007; Шемякин 2008; Шемякин (1) 2014; Шемякин (2) 2014; Шемякин (3) 2014 и др.]. Здесь мы подходим к новому повороту темы – к проблеме определения специфики того цивилизационного типа, к которому принадлежат Россия и Латинская Америка. Убеждение в том, что в данном случае мы сталкиваемся с социальной и культурной реальностью особого рода, для познания которой необходима разработка соответствующего ее специфике методологического инструментария, стало важнейшим фактором, объединившим позицию автора данной статьи с представлениями В.Б. Земскова. Это убеждение, в свою очередь, было прямо связано с осознанием того факта, что многие из выдвинутых западными учеными и аналитиками объяснительных схем либо вообще не работают в латиноамериканских и российских условиях, либо дают частичную и неполную трактовку изучаемой действительности. Иными словами, – с осознанием необходимости решительно преодолеть европоцентристскую «оптику» в процессе исследования⁵.

Основываясь на охарактеризованной исходной методологической посылке в результате широкомасштабного и многоаспектного цивилизационного исследования автор статьи и ряд его коллег (прежде всего В.Б. Земсков, другие выдающиеся представители научного сообщества латиноамериканистов – Ю.Н. Гирин и А.Ф. Кофман, такие видные историки и культурологи, писавшие главным образом о российской цивилизации, как Е.Б. Рашковский, А.С. Ахиезер, И.В. Кондаков, И.Г. Яковенко – это перечисление можно было бы при желании продолжить)⁶ пришли к выводу о том, что оба рассматриваемых культурно-исторических образования принадлежат к особому «пограничному» цивилизационному типу.

На рубеже XX–XXI вв. было выдвинуто несколько концепций цивилизационной «пограничности», и одна из них принадлежит автору этих строк. Так как все дальнейшее изложение основывается на выводах, непосредственно вытекающих из этой концепции, позволим себе предельно кратко сформулировать ее основные положения.

⁴ См., напр.: [Ribeiro 1977; Sambarino 1980; Ахиезер 1991, Т. 1, с. 19; Яковенко 1996, с. 240; Яковенко 2007].

⁵ См., напр.: [Земсков 2014, с. 504–505].

⁶ См.: [Земсков 2014; Земсков 2015; Кофман 1997; Кофман 2012; Гирин 2008; Шемякин 2001; Шемякин (3) 2007, с. 75–84; Шемякин 2008, с. 100–148; Шемякин (1) 2013 а, с. 23–45; Шемякин (2) 2014, №2, с. 113–123; №3, с. 119–129; Шемякин (3) 2014, с. 149–161; Цивилизационные исследования 1996; Рашковский, Хорос 2007; Проблемы культурного пограничья 2014].

Характерные особенности «пограничного» цивилизационного типа

Главная из отличительных черт цивилизационной «пограничности», обуславливающая наличие остальных, – особое соотношение начал (принципов) единства и многообразия. Все цивилизации в той или иной мере неоднородны, состоят из разных элементов (культурных, этнических и т.п.) и вместе с тем любая из них являет собой целостность, единую при всем многообразии ее составляющих. Но соотношение начал (принципов) единства и многообразия, гомогенности и гетерогенности коренным образом отличается в великих цивилизациях Востока и Запада, которые условно обозначены как «классические», и в цивилизационных общностях «пограничного» типа. Облик первых определяет начало целостности, Единое. Сюда относятся такие общности, возникшие на базе мировых религий социокультурные макрообщности («субэкумены» по определению Г.С. Померанца) [Померанц 1995, с. 205–227], как западнохристианская, южноазиатская индо-буддийская, восточноазиатская, конфуцианско-буддийская, исламская. Субэкумены имеют цельное основание – относительно монолитный религиозно-ценностный фундамент. Подобная целостность духовной основы не означает единообразия: она может быть представлена различными религиозными и мировоззренческими традициями. Однако в рамках каждой из субэкумен принадлежащие к ней многообразные традиции едины в подходе к решению ключевых проблем человеческого существования.

Специфику «пограничных» цивилизаций, в отличие от «классических», определяет доминанта многообразия, которое преобладает над единством. Последнее, впрочем, тоже вполне реально. Тем не менее цельная, относительно монолитная духовная основа в этом случае отсутствует, религиозно-цивилизационный фундамент состоит из нескольких качественно различных частей, связь между которыми крайне слаба, и вследствие этого вся цивилизационная конструкция неустойчива. К числу цивилизаций «пограничного» типа исторически относились эллинистическая и византийская. Из реально существующих по сей день к такого рода цивилизационным общностям причисляются ибероевропейская⁷, балканская, российско-евразийская и латиноамериканская.

Преобладание многообразия над единством непосредственно обусловлено тем, что реальность «пограничных» цивилизаций – это реальность постоянного и крайне противоречивого взаимодействия качественно различных традиций и разделенных герменевтическими барьерами разнотадимальных пластов исторического бытия народа («соположенность» по Л. Сеа [Sea 1984]). Одна из определяющих черт всего цивилизационного «пограничья», включая Латинскую Америку и Россию, – сочетание и причудливое переплетение основных типов межцивилизационного взаимодействия–противостояния, симбиоза и синтеза⁸.

⁷ В настоящее время доминирующей тенденцией ее цивилизационного развития является процесс интеграции в западную субэкумену. Однако этот процесс отнюдь не завершен, сохраняется противостоящая ему контртенденция.

⁸ См.: [Шемакин 2001].

Причем, как было показано в ходе цивилизационных исследований, ключевым фактором обеспечения целостности цивилизационной системы является в условиях «пограничья» симбиотический тип взаимосвязи и взаимодействия, в рамках которого участники контакта уже объединены нерасторжимой системной связью (причем связь эта интериоризируется в их сознании, различные традиции взаимодействуют не только на межличностном уровне, но и внутри сознания большинства представителей «пограничной» общности), однако нового культурного качества не возникает, каждая из взаимодействующих сторон остается самой собой, сохраняя основу собственной идентичности.

Следует особо подчеркнуть, что подобного рода сочетание трех типов взаимодействия выступает как внутренний фактор функционирования цивилизационной системы. В этом ракурсе действительность цивилизационного «пограничья» являет собой сложнейший узел переплетения всех трех упомянутых разновидностей контакта. Всемирно-историческое значение «пограничных» цивилизаций состоит в том, что они реализуют опыт внутреннего (в рамках одной и той же социокультурной системы) диалога основных цивилизационных начал, наличествующих в мире и взаимодействующих как внешние по отношению друг к другу силы. Г.С. Померанц подчеркивал, что Россия «обречена на диалог» различных культурных начал и в этом ее историческая задача «подобна вселенской» [Померанц 1996, с. 152]. То же самое можно сказать и о Латинской Америке [Шемякин 2001, с. 356].

Цивилизации России и Латинской Америки: «пограничный» характер и планетарный масштаб

Помимо общих черт, свойственных всему цивилизационному «пограничью», Латинская Америка и Россия отличаются особыми характеристиками. Главная особенность, объединяющая их и одновременно отличающая от остальных представителей данного цивилизационного типа, – планетарный масштаб. В этом цивилизации России и Латинской Америки подобны субэкуменам.

Планетарный масштаб в сочетании с «пограничным» характером общности обуславливает и особое социокультурное качество. Хотя по ряду важнейших признаков (язык, религия большинства населения, многие особенности психологического склада) Латинская Америка наиболее близка Иберийской Европе, есть ряд важнейших структурных параметров, общих для латиноамериканской и российской цивилизаций. К их числу относятся особая значимость природного фактора в цивилизационной системе, относительно слабая способность к формообразованию инновационного типа, противостояние Логоса как формо- и смыслообразующего начала социальному и природному бытию как стихии алогона, характер социальной и культурной действительности как «пограничья» между цивилизацией и варварством, преобладание пространства над временем в рамках пространственно-временного континуума культуры, постоянный переход через грань меры как способ бытия человека и общества.

Еще одна важная отличительная особенность, роднящая Латинскую Америку и Россию, – определенная общность всемирно-исторического контекста их генезиса и дальнейшей эволюции: обе они сложились как цивилизационные системы именно планетарного масштаба в условиях начавшегося с формированием мирового капиталистического рынка процесса глобализации. Данный процесс – инвариантный фактор развития как Латинской Америки, так и России (с XVI в).

Здесь следует подчеркнуть одно принципиально важное обстоятельство. Возникновение в регионе к югу от Рио-Гранде-дель-Норте и в северной Евразии «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба следует рассматривать как проявление качественно иного по своей онтологии, по сравнению с глобализацией, противоположного ей по своей направленности процесса: роста разнообразия «мира людей», т.е. того самого «мятежа исключений», о котором говорил О. Пас⁹.

Перед любым исследователем «пограничной» реальности неизбежно встает вопрос: каким образом в условиях сохранения доминанты многообразия вообще возможно единство «пограничной» цивилизационной системы? Вообще говоря, сам факт появления и многовекового сохранения систем подробного рода принадлежит к числу очевидных парадоксов и загадок мировой истории. Попытки нащупать пути к решению этой загадки привели нас к следующим выводам.

«Взаимоупор» основных противоречий: решающий фактор достижения целостности пограничных цивилизационных систем

Пути и условия достижения целостности «пограничных» цивилизаций обусловлены, в первую очередь, такой основополагающей характеристикой цивилизационного «пограничья», как антиномичность – «любоевое», без опосредующих звеньев, столкновение полярностей бытия. Одно из главных проявлений антиномичности – столкновение и конфликтное сосуществование в рамках одной и той же цивилизации качественно различных и противоположных подходов к решению ключевых экзистенциальных проблем. Амбивалентность (т.е. одинаково выраженная направленность одновременно в противоположные, взаимоисключающие стороны) стала одной из определяющих характеристик цивилизационного «пограничья» в том, что касается способа восприятия и решения названных проблем. В условиях «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба эти качества появляются с особой силой.¹⁰ Об антиномичности цивилизационного сознания и социально-культурного бытия России говорили и писали многие отечественные мыслители, прежде всего Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, В.И. Ильин, Г.П. Федотов, Г. Гачев, А.С. Ахиезер, И.В. Кондаков [*Бердяев* (1) 1990, с. 13–15; *Бердяев* (2) 1990, с. 23; *Бердяев* 1992, с. 297; *Лосский* 1990; *Ильин* 1997, с. 41, 60; *Гачев* 1981, с. 68, 70; *Ахиезер* 1991; *Кондаков* 1997, с. 48–51]. Наиболее полное описание лагиноамериканского варианта антиномичности можно найти в произведениях и О. Паса [*Sea* 1989; *Paz* 1981].

⁹ См. [Шемякин 2001, с. 26–153, 192–357; Шемякин (1) 2007, с. 78–92; Шемякин, Шемякина 2007].

¹⁰ См. подробнее: [Шемякин 2001, с. 192–344].

Один из главных парадоксов существования «пограничных» цивилизаций, включая Латинскую Америку и Россию, состоит в том, что именно конфликт, острое противоречие (в данном случае это синонимы) становятся фактором достижения целостности особого рода, когда ткань социально-культурного бытия буквально соткана из подобного рода противоречий. Очень яркую характеристику этого типа целостности дал, описывая «пограничную» цивилизацию Византии, С.С. Аверинцев. По его словам, византийская культура (конкретно речь идет о литературе) «оказывается на редкость сложным, подвижным единством, которое вопреки всем противоречиям, более того, именно через противоречия выявляет определенную логику» [Аверинцев 1997, с. 250]. Подобное единство – «это единство противоположностей, дополняющих друг друга в рамках системы и гарантирующих равновесие своим взаимоупором» [Аверинцев 1997, с. 252].

В принципе, этими словами можно охарактеризовать также российскую и латиноамериканскую действительность с одной только ремаркой: подобного рода равновесие крайне неустойчиво, и тем не менее конфликт – это, по определению, всегда отношение, т.е. связь конфликтующих сторон. И когда конфликт становится формой существования, подобная связь может приобрести исторически длительный характер: несмотря на всю неустойчивость, возникает определенная системность, все время балансирующая, казалось бы, на грани распада, однако не распадающаяся. Ее сохраняет, если использовать очень точный термин С.С. Аверинцева, «взаимоупор» сторон противоречий, острота которых, на первый взгляд, исключает понятие целостности.

В существовании подобного «взаимоупора» сторон острейших противоречий – разгадка относительной длительности исторического существования «пограничных» цивилизационных систем, и прежде всего самой «долгоживущей» из них – России.

Российская и латиноамериканская цивилизации в сравнительно-историческом контексте: специфика институциональной сферы

Столкновение и взаимодействие качественно различных традиций, неоднородность системы ценностей, сосуществование в духовном и географическом пространстве цивилизации различных, в том числе и противоположных, подходов к коренным проблемам человеческого существования, антиномичность и амбивалентность – все это самым непосредственным образом обуславливает специфику институциональной сферы. Первое, что обращает на себя внимание в этой связи – относительно (по сравнению с «классическими» цивилизациями) слабая институционализированность и латиноамериканской, и российской цивилизаций. Попробую проиллюстрировать этот тезис сначала на российском примере.

В России «подсистема поддержания образца» была ослаблена именно в своем системном качестве в силу разнородности своих составляющих. Подобная разнородность проявлялась вопреки постоянным попыткам государственной унификации системы ценностей в соответствии с нормами ортодоксального православия,

а затем (в «Санкт-Петербургский» период) – в соответствии с официальным имперским дискурсом. Отчетливо прослеживаются следующие, противостоящие друг другу, составляющие духовно-ценностного «хаокосмоса» [Ильин 1997, с. 60] российской цивилизации.

1) основополагающее значение имел факт раскола (об этом писали многие крупнейшие отечественные мыслители – от А.С. Хомякова до Н.А. Бердяева и А.С. Ахиезера)¹¹ между вестернизированной элитой и основной массой народа, продолжавшей жить в соответствии с традициями Московской Руси; раскола, ставшего результатом петровских реформ и связанных с ними процессов – здесь налицо было столкновение качественно различных и во многом противоположных систем ценностей.

2) Другая линия разграничения, пронизавшая все духовное пространство России, пролегла между официальным православием, поддерживаемым государством и претендовавшим на духовную монополию, и сохранявшимися «на глубине» народной жизни живыми языческо-мифологическими корнями. Крайне противоречивое сосуществование в цивилизационном сознании русских восточно-христианской традиции византийского происхождения и характера и восточно-славянского мифологического наследия – факт, признаваемый большинством исследователей. Разногласия начинаются тогда, когда пытаются установить меру воздействия древней языческой традиции на становление русской культуры.

3) Еще одна «зона столкновения» качественно различных ценностных ориентаций образовалась внутри самого православия в результате церковного раскола XVII в. – между никонианской церковью и старообрядцами. Здесь следует подчеркнуть, что в догматическом плане между ними не было и нет сколько-нибудь существенной разницы: не подлежит сомнению православная идентичность и тех, и других. Разница (и коренная) обнаружилась в другой сфере – в социально-политической ориентации. К сказанному следует добавить, что само староверие крайне неоднородно: помимо основного разделения на «поповцев» и «беспоповцев» следует учитывать раскол «беспоповцев» на целый ряд отдельных «согласий», вступавших в ожесточенную полемику друг с другом¹².

4) Наконец, в данном контексте нельзя не учитывать общую конфессиональную неоднородность населения Российской империи: достаточно вспомнить католические и протестантские анклавные территории на западе, буддийско-ламаистский комплекс на востоке России, языческо-мифологические представления коренных народов Сибири и Дальнего Востока, и, наконец, ислам, всегда занимавший весьма значимое место на конфессиональной «карте» России. По-видимому, правомерно поставить вопрос: следует ли рассматривать католические, протестантские, исламские и буддийские религиозные общины как периферийные ответвления великих цивилизаций («субэкумен») Востока и Запада, или, сохраняя свою религиозную идентичность, они все же принадлежат России не только в государственно-политиче-

¹¹ См., напр.: [Хомяков 1994; Бердяев (1) 1990; Ахиезер 1991].

¹² Старообрядчеству посвящено, как известно, большое количество исследований. Во всем этом огромном потоке литературы особо выделяются следующие издания: [Юхименко 1994; Юхименко 1999; Юхименко 2004; Юхименко 2010; Керов 2004; Дутчак 2007; Дутчак 2010; Дутчак 2011; Бахтина 1999].

ском, но и в цивилизационном плане? Вопрос более чем сложный и актуальный. В любом случае речь идет о факторе, усиливающем неоднородность подсистемы *pattern maintenance* российской цивилизации.

В связи с указанными обстоятельствами оказалась ослаблена и адаптивная подсистема: успешное функционирование экономики возможно лишь при условии, что большинство членов общества придерживается близких ценностных ориентаций в том, что касается коренных проблем человеческого бытия. Только в этом случае может быть достигнута достаточная для успешного развития хозяйственной деятельности мера социальной стабильности. Сложносоставной характер латентной подсистемы (она же – «подсистема поддержания образца») прямо обуславливает и существенно более низкий по сравнению с «классическими» цивилизациями потенциал подсистемы интеграции. Разные ценностные предпочтения порождали ориентацию на создание различных систем институционального обеспечения. В качестве яркого примера можно привести очевидный дуализм правовой системы Киевской Руси: наряду с рецепцией византийских правовых институтов и норм наличествовала в достаточно цельном виде и основанная на родовых ценностях совокупность регулирующих социальную жизнь обычаев и норм, сохранившихся от языческого прошлого. Византийские и восточнославянские представления о праве и законе во многих отношениях открыто противоречили друг другу, в то же время образуя (в рамках культуры в целом) уже единую систему. Это можно проследить по первому отечественному своду законов – «Русской правде»¹³. Здесь явно прослеживается как логика достижения единства (в данном случае – единства правовой сферы) посредством «взаимопора» противоположных по сути тенденций, так и симбиотический тип взаимосвязи качественно различных социокультурных реалий.

В этом плане характерен также типичный для российской истории «взаимопор» противоположных ценностных ориентаций по отношению к государству. С одной стороны, явное большинство населения (от «верхов» до «низов») рассматривало государство как высшую ценность, а поддержание и укрепление институтов государственной власти – как высшую задачу общества. Однако этой ориентации на протяжении практически всей российской истории противостояла другая, опирающаяся на идеал «воли» и отрицание государственного принуждения. Эта последняя ориентация порождала собственную институциональную среду – достаточно вспомнить общины казаков (вплоть до последней трети XVIII в.) и староверов. Разумеется, хорошо изучен и многократно проиллюстрирован механизм превращения воли в собственную противоположность, в резерв авторитарной государственности. И, тем не менее, стремление к реализации идеала «воли» неизменно воспроизводилось, порождая собственные механизмы социальной интеграции, альтернативные официальным: от старообрядческих общин наиболее радикальных «беспоповских» согласий, разного рода сектантов до революционных организаций различного толка. Без мощного взрыва этих подспудных стремлений не понять и разгула революционной стихии в 1917 г.

¹³ См. фундаментальное исследование В.М. Живова: [Живов 2002, с. 652–738].

Помимо уже названных, низкая степень институционализированности российской цивилизации была связана еще с одним фактором: с особой структурой ее пространственно-временного континуума – преобладанием пространства над временем [Шемякин 2001, с. 218–221]. Гигантский масштаб пространства России прямо обусловил то обстоятельство, что государственная власть была просто не в состоянии все контролировать. Эту черту очень ярко проиллюстрировал, в частности, Н.Я. Данилевский [Данилевский 1991, с. 258–259].

Попытки осмыслить российскую действительность в этом контексте неизбежно приводят к выводу, что связь между подсистемами здесь сказалась существенно слабее, чем в «классических» цивилизациях. Следствием этого была крайняя неустойчивость всей цивилизационной конструкции, что породило необходимость выработки компенсаторного механизма, призванного восполнять относительную слабость цивилизации в институциональной сфере. В условиях, когда уже перечисленные три подсистемы были ослаблены в своем системном качестве, основой такого механизма стала гипертрофия подсистемы целеполагания, что означало в российских условиях появление и утверждение авторитарной государственности, которая стремилась поставить под свой контроль все стороны жизни общества. Однако в условиях общей слабой институционализированности социального организма развитие этой тенденции неизбежно тормозилось. В результате возникла парадоксальная историческая ситуация: изучение истории России приводит к выводу, что наряду с гипертрофией государственности сохранилась реальная автономия остальных подсистем¹⁴. Подобная автономия – не что иное, как проявление коренной структурной характеристики «пограничных» цивилизаций: преобладания начала многообразия над началом единства. Унификаторская тенденция (бесспорно, очень отчетливо проявившаяся в деятельности государства) неизменно наталкивалась в конечном счете на барьер многообразия, преодолеть который она была не в силах.

В институциональной сфере сложился тот же самый парадоксальный механизм обеспечения целостности, что и в иных сферах жизни цивилизации: «взаимоупор» противоположных тенденций. В данном случае – тенденций к гипертрофии подсистемы целеполагания и к сохранению реальной автономии остальных подсистем. Чтобы сколько-нибудь убедительно проиллюстрировать этот тезис потребовалась бы, очевидно, не одна страница, а ограничиться парой примеров здесь невозможно, поэтому отсылаем читателя к уже упомянутому диссертационному исследованию [Шемякина 2011].

Названный механизм достижения целостности через «взаимоупор» противоположных тенденций действовал на всем протяжении российской истории вплоть до советского периода, о котором, конечно, приходится говорить особо. Становление большевистского тоталитаризма означало слом этого механизма. Гипертрофия государства, слившегося с партией, была доведена до предела, и с той реальной автономией остальных подсистем, которая, собственно, и создавала ситуацию «взаимоупора» (а тем самым и обеспечивала, пусть крайне неустойчивое,

¹⁴ То, что подобная автономия реально существовала, убедительно показано в диссертационном исследовании О.Д. Шемякиной. См.: [Шемякина 2011, с. 220–233].

но все же равновесие), было покончено. Это привело в конечном счете к серьезному дисбалансу цивилизационной системы, в том числе на институциональном уровне.

О том, что касается постсоветского этапа, когда институциональная структура еще не совсем «устоялась», сколько-нибудь окончательные выводы делать рано, но некоторые обобщения сделать уже можно. Судя по многим признакам, наблюдается возрождение того же самого механизма «взаимоупора» противоположных тенденций, обусловленное теми же факторами, что и раньше: воспроизводится и усиливается разнородность системы ценностных ориентаций; как и прежде, различные ориентации такого рода выливаются в попытки породить собственную институциональную среду, причем главные препятствия на пути развертывания этой тенденции устранены с официальным признанием принципа плюрализма. Такое признание способствует, конечно, реальной автономии и латентной подсистемы, и подсистемы интеграции. Последняя, впрочем, после 1991 г. была в наибольшей степени ослаблена. Однако мощная западная экспансия во всех сферах, и прежде всего в сфере ценностей, не привела и не приводит к стиранию качественно иных, в том числе и противоположных, ценностных ориентаций, которые в последнее время резко усилились. В постсоветский период особенно отчетливо проявляется относительная автономия адаптивной подсистемы, которой противостояло и противостоит существенно усилившееся в последние годы стремление государственной бюрократии поставить все стороны жизни, в том числе, по возможности, и экономику, под свой контроль.

Ту же самую, по сути, логику «взаимоупора» противоположных тенденций в развитии институциональной сферы можно проследить и в Латинской Америке. Очевидная гипертрофия подсистемы целеполагания, более конкретно – государства («государственноцентричная матрица») [Cavarozzi 1992; Cavarozzi 1995; Cavarozzi 1997; Рашковский, Хорос 2007, с. 75–78], обусловленная теми же структурными факторами, что в России (относительная слабость как самих подсистем, так и связей между ними, преобладание пространства над временем в рамках пространственно-временного континуума цивилизации), отнюдь не привела к тотальному всевластию госаппарата. Здесь также наблюдается сохранение реальной автономии остальных подсистем и, соответственно, возникновение феномена «взаимоупора» противоположных тенденций к гипертрофии государственности и к сохранению реальной автономии подсистем адаптивной, интеграции и латентной. Достаточно вспомнить в связи с этим следующие факты.

В том, что касается подсистемы «поддержания образца», – это сохранение языческих индейских, а впоследствии – африканских верований под спудом господствующей, утверждаемой и поддерживаемой королевской властью католической системы ценностей; формирование многообразных форм синкретической религиозности; сохранение таких форм и их воспроизведение в XX – начале XXI вв.

В части, касающейся адаптивной подсистемы и подсистемы интеграции, – это внутренняя автономия (сохранявшаяся на всем протяжении колониального периода) индейских общин; реальная власть на местах латифундистов (все более увеличивавших степень своей независимости от колониальной администрации по мере превращения первоначальных энкомьенд в огромные по своим масштабам частые землевладения – эстансии) и сохранение этой власти после завоевания независимости в первой четверти XIX в.; сохранение тенденции к замыканию в себе

индейских общин, неизменно сопротивлявшихся попыткам подчинить их логике функционирования капиталистического рынка в XIX–XX вв.; очевидная автономия иностранного, а впоследствии и местного крупного капитала от государственной власти, особенно усилившаяся с ослаблением «государственноцентричной матрицы» в результате неолиберальных реформ 80–90-х гг. XX в.

Институциональная сфера в условиях «пограничных» цивилизаций, в том числе Латинской Америки и России, отличается от аналогичной сферы в цивилизациях «классического» типа не только более слабой интегрирующей потенцией, но и наличием особых функций. В цивилизациях «классического» типа главная и, по существу, единственная функция социальных институтов – обеспечить организационное закрепление в социальной жизни и практике определенной совокупности ценностных ориентаций, сформированных на базе того или иного подхода к решению ключевых экзистенциальных проблем. В «пограничных» цивилизациях по мере развертывания процессов взаимодействия качественно различных культурных традиций социальные институты приобретают и иную функцию – обеспечения организационных рамок и условий развития этих процессов. Причем с расширением и углублением контактов между вступившими во взаимодействие человеческими мирами и в Новом Свете, и в Северной Евразии именно данная функция выдвигается на первый план. При этом сами институты в определенной мере трансформируются, происходит процесс, который можно условно охарактеризовать как «институциональную инверсию»: сохраняя в основном прежнюю форму, они приобретают новые содержательные характеристики. Так, в начале латиноамериканской истории социальные институты столкнувшихся миров (иберийская государственность в ее колониальном варианте и католическая церковь, опирающаяся на монашеские ордена, с одной стороны, индейская община – с другой) выступали как носители логики противостояния культур, обеспечивая утверждение противоположных ценностных ориентаций. Однако по мере развертывания и углубления процесса межкультурного взаимодействия эти же институты стали играть роль организационной рамки и формы, в которой происходило развитие процесса культурного симбиоза, а затем (в определенной мере) и синтеза. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении институтов независимых латиноамериканских государств, появившихся на свет в первой четверти XIX в., и в отношении институтов представительной демократии в XX в. (представительные учреждения, политические партии, профсоюзы, свободная пресса), и в отношении гражданского общества.

В целом, анализ институциональной сферы латиноамериканской цивилизации подтверждает вывод о ключевом значении симбиотических форм. Так, в социально-экономической области, начиная с XVI в., прослеживается крайне противоречивый симбиоз отношений «власти-собственности» и частной собственности западного типа, причем как на уровне энкомьенды, а затем и латифундии, так и на государственном уровне. Политическая подсистема латиноамериканской цивилизационной системы в XIX–XX вв. являет картину не менее противоречивого симбиоза первоначально позаимствованных с Запада форм политической демократии и института каудильизма, пронизывающего эти формы снизу доверху, служащего главной базой повсеместно распространенных в регионе по сей день патронажно-клиентельных связей.

Институциональная сфера латиноамериканской цивилизации не сводится к структурам симбиотического характера. В том, что касается процесса культурного синтеза, особо следует упомянуть ключевую роль на первом этапе его развертывания учреждений системы образования (от церковно-приходских школ до монастырских колехиос и, отчасти, университетов) и особого социального института – латиноамериканского праздника. Именно в рамках праздника (который по своему характеру предполагает выход культуры за пределы принципов и норм, ею же и санкционированных) легче всего было преодолевать логику противостояния изначально чуждых друг другу миров. Нужно отметить, что вся система образования вплоть до конца XIX в. (а в некоторых странах и позже) находилась под контролем католической церкви, которая играла главную роль и в организации массовых празднеств. В XX в. вплоть до 60-х гг. в связи с процессом секуляризации наблюдается определенное падение роли церкви как институциональной основы развертывания синтеза одновременно с существенным увеличением роли государства и резким усилением роли праздника в создании и поддержании синтезированных культурных форм. С 60-х гг. XX в. роль церкви вновь возрастает: одной из главных институциональных основ развертывания процесса синтеза становятся в 60–80-е гг. христианские низовые общины. В то же время в последние десятилетия наблюдается существенное падение роли государства и дальнейшее увеличение роли праздника в развертывании процесса культурного синтеза [Pérez Americans 2002].

Аналогичная по сути логика прослеживается и в эволюции институциональной сферы российской цивилизации. Институты, первоначально нацеленные на интеграцию древнерусской социокультурной общности на вполне определенной духовно-конфессиональной основе восточного христианства византийского происхождения (авторитарная государственность и православная церковь), по мере исторического развития постепенно приобретали характер институциональных рамок развертывания процесса взаимодействия разнородных культурных традиций, в ходе и в результате которого и сформировался тот российский «мир миров» [Геддер 1991], который появляется на арене мировой истории как некое крайне противоречивое и парадоксальное социокультурное единство в XVI–XVII вв., приобретая при этом планетарный масштаб. Пожалуй, главный довод, который можно привести в подтверждение этого тезиса – сам факт возникновения и пребывания в пространстве мировой истории этого «мира миров».

Та же самая логика в развитии институциональной сферы продолжала действовать и в советский, и в постсоветский периоды. Об этом красноречиво свидетельствует то обстоятельство, что под обломками рухнувшего СССР обнаружился в целом тот же самый цивилизационный «ландшафт», который наблюдался и до 1917 г. И в российском случае четко прослеживается ключевая роль симбиотических форм взаимосвязи и взаимодействия. Как было выяснено в ходе и в результате цивилизационных исследований, за явлением, определяемым словом «раскол» (занимающим, как уже говорилось, по убеждению большинства исследователей, центральное место в системе объяснения российской истории), на практике скрываются два качественно различных типа взаимодействия: противостояние и симбиоз [Шемякин 2001, с. 318–319]. Именно симбиоз вестерни-

зированной элиты и основной массы народа, продолжавшей жить в соответствии с традициями допетровской эпохи, являлся главным фактором, обуславливающим относительную (пусть крайне противоречивую и неустойчивую, но, тем не менее, вполне реальную) целостность социокультурного строя царской России. В плане чисто институциональном главной «несущей конструкцией» всего «здания» империи являлся симбиоз российской государственности и крестьянского мира (в двух смыслах: и как общины, бывшей основным институтом социализации и социальной интеграции для подавляющего большинства населения, и как всей сферы жизни российского крестьянства). В том, что касается отношений собственности, в «Санкт-Петербургской» России определенно прослеживается симбиоз власти-собственности (ее наличие, в том числе в данный исторический период, и огромное значение, похоже, не вызывают сомнений у большинства исследователей)¹⁵ и частной собственности. «Взаимоупор» тенденций к укреплению власти-собственности и к развитию частной собственности стал решающим фактором, определившим специфику социально-экономической жизни России в XVIII – начале XX вв.

Конкретные условия действия социокультурного механизма, обеспечивающего целостность российского и латиноамериканского цивилизационных «пограничій»

Как было показано выше, целостность цивилизационного «пограничья» – это целостность *sui generis*, достигаемая посредством особого характера взаимосвязи сторон тех острейших противоречий, из которых сплетена ткань «пограничного» социокультурного бытия, определенного выше, используя формулу С.С. Аверинцева, как «взаимоупор». Это – важнейшая черта, объединяющая российское и латиноамериканское «пограничье». Закономерно встает вопрос: каким же образом достигается и как проявляется подобный «взаимоупор»?

Для «пограничных» цивилизаций характерны одновременно более значимая (по сравнению с «классическим» цивилизационным типом) роль внешних факторов, большая проницаемость для внешних влияний (что является прямым следствием отсутствия монолитной духовно-ценностной основы в условиях доминанты многообразия) и большая (по сравнению с «классическими» цивилизациями) способность к переработке этих влияний в соответствии с логикой местной социокультурной почвы, ведущая в конечном счете к превращению «внешнего» во «внутреннее». Следует особо подчеркнуть: обе эти характеристики одинаково неотъемлемы для «пограничной» цивилизационной реальности и служат основой для противоположных тенденций – стремления к максимальной открытости миру и к ревностной защите собственной самобытности.

¹⁵ См., напр.: [Шкаратан 2009; Шкаратан (1) 2014; Шкаратан (2) 2014; Плискевич 2006; Плискевич (1) 2015; Плискевич (2) 2015; Нуреев, Латов 2015].

Подобное сочетание – «взаимоупор» противоположных ориентаций сознания и поведения – представляет собой одно из основных внешних проявлений качества амбивалентности. Оно оказалось возможным, в свою очередь, в силу наличия такой характеристики цивилизационных «пограничий», как повышенная (как и во всех остальных случаях, по сравнению с «классическими» цивилизациями) проницаемость внутренних границ в культуре, пролегающих в условиях подобных «пограничий» не только между отдельными индивидами и человеческими общностями, носителями тех или иных традиций, но и в душах людей.

Наличие качества повышенной проницаемости внутренних границ в культуре, в свою очередь, обусловлено формированием в духовном космосе «пограничных» цивилизаций еще одной важнейшей характеристики – повышенного уровня оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера, прежде всего сакральными символами. Оперировать знаковыми структурами не может ни одна общность, ни один социальный институт, это может делать только конкретный живой человек. В силу этого обеспечить повышенный уровень оперирования подобными структурами оказалось возможным лишь в случае кардинального изменения (по сравнению с субэкуменами) соотношения различных уровней развертывания цивилизационного процесса – личностного (индивидуального) и надличностного. Как было установлено в ходе цивилизационного исследования, разница между ними относительна: надличностный пласт – нормативно-ценностная база цивилизации – наличествует в любом человеке. В цивилизациях «классического» типа именно он является основой целостности личности, и здесь находит одно из главных своих проявлений доминанта принципа единства.

Однако личность несводима лишь к данной основе: в любом человеке имеется определенное пространство свободы по отношению к господствующим нормам и ценностям, некий «несводимый остаток», собственно индивидуальный пласт, который и определяет неповторимое своеобразие каждой личности. Для цивилизационного «пограничья» характерно принципиально иное, по сравнению с «классическими» цивилизациями, соотношение между надличностным и собственно индивидуальным уровнями в структуре самой личности. Крайне противоречивое сосуществование качественно различных, в том числе и прямо противоположных ценностно-смысловых ориентаций, отличающее реальность «пограничных» цивилизаций, обуславливает то обстоятельство, что воплощающий общепринятые, официально утвержденные установки нормативно-ценностный пласт в личности «пограничного» типа, по общему правилу, ослаблен, и поэтому его интегративные потенции явно недостаточны для того, чтобы обеспечить ее духовную целостность. В подобной ситуации решающее значение приобретает тот самый «несводимый остаток» в человеческой индивидуальности, который становится главным фактором достижения ее целостности. Достичь более высокого, чем в «непограничных» человеческих мирах, уровня оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера можно было лишь в пространстве свободы личности. Учитывая то, что говорилось выше о специфике соотношения личностного и надличностного уровней цивилизационного процесса в социокультурном «пограничье», это пространство свободы следует рассматривать как первичный (и в этом смысле ключевой) фактор достижения целостности «пограничной» цивилизационной си-

стемы [Шемякин 2001, с. 98–103, 168–173, 233–246; Шемякин (1) 2007, с. 78–92; Шемякин, Шемякина 2009, № 9, с. 4–20; № 10, с. 82–101; Кофман 1997, с. 267–268, 284–285]. В цивилизационных «пограничьях» планетарного масштаба, в России и Латинской Америке, перечисленные качества проявляются с особой силой.

Заключение

В заключение остается лишь сказать, что в данном тексте удалось рассмотреть далеко не все возможные параметры сравнительного цивилизационного исследования. Из наиболее важных сюжетов, оставшихся вне изложения, помимо поставленного, но не развернутого вопроса о специфике 5-й подсистемы в цивилизационном «пограничье», можно назвать следующие. Наличие всех перечисленных качеств действительно обеспечивает действие механизма функционирования «пограничных» цивилизационных систем. Но неизбежно возникает вопрос: чем объяснить появление этих качеств? Все перечисленные характеристики в своей совокупности обеспечивают возможность воплощения в различных социальных и духовных практиках главной отличительной структурной черты цивилизационного «пограничья» – доминанты многообразия. Но неизбежно встает следующий вопрос: чем обусловлено появление именно этой доминанты? Попытка дать ответы на эти вопросы привела автора к необходимости рассмотреть специфику функционирования дуальной (бинарной) оппозиции (элементарной «клеточки» культуры) в условиях «пограничья» по сравнению с «классическими» цивилизациями и провести сравнительный анализ характера соотношения Языка, Текста и Шрифта, рассматриваемых как ключевые культуuroобразующие факторы, в субэкуменах и в «пограничных» цивилизациях [Шемякин (2) 2013, с. 15–25; Шемякин (2) 2014, № 2, с. 113–123; № 3, с. 119–129]. Однако развернуть эти сюжеты в рамках данного текста не представляется возможным, поскольку в этом случае не обойтись без достаточно подробной и весьма сложной аргументации культурологического и философского характера, тем более что они требуют дальнейшей разработки, что является задачей будущих исследований.

Литература

- Аверинцев С.С. (1997) Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda.
Ахизер А.С. (1991) Россия: Критика исторического опыта. Т. 1–3. М.: Изд-во ФО СССР.
Бахтина О.Н. (1999) Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Томск: Изд-во Том. ун-та.
Бердяев Н.А. (1) (1990) Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.
Бердяев Н.А. (2) (1990) Судьба России. М.: Советский писатель.
Бердяев Н.А. (1992) Душа России // Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Республика. С. 296–312.
Гачев Г.Д. (1981) Образ в русской художественной культуре. М.: Искусство.
Гефтер М.Я. (1991) Дом Евразия // Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс. С. 460–467.

- Гирин Ю.Н. (2008) Поэтика сверхпределности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. СПб.: Алетей.
- Данилевский Н.Я. (1991) Россия и Европа. М.: Книга.
- Декарт Р. (1950) Избранные произведения. М.: Госполитиздат.
- Дутчак Е.Е. (2007) Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Томск: Изд-во Томского ун-та.
- Дутчак Е.Е. (2010) Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии (Вопросы формирования социальной основы староверия) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 163–172.
- Дутчак Е.Е. (2011) Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия «История». № 4. С. 75–88.
- Живов В.М. (2002) История русского права как лингвосемиотическая проблема // Живов В.М. Из истории русской культуры. Т. II. Кн. I Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры. С. 652–758.
- Земсков В.Б. (2014) О литературе и культуре Нового Света. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Гнозис.
- Земсков В.Б. (2015) Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Гнозис.
- Ильин В.Н. (1997) Эссе о русской культуре. СПб.: Акрополь.
- Керов В.В. (2004) «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: ЭКОН – ИНФОРМ.
- Кондаков И.В. (1997) Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс.
- Кофман А.Ф. (1997) Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие.
- Кофман А.Ф. (2012) Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. М.: ИМЛИ РАН.
- Лосский Н.О. (1990) Характер русского народа. Кн. 1–2. М.: Изд-во «Ключ».
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010) Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // *Мир России*. № 2. С. 50–88.
- Парсонс Т. (1965) Общетеоретические проблемы социологии // Мертон Р.К., Брум Л., Коттрелл Л.С. (ред.) *Социология сегодня: Проблемы и перспективы*. М.: Прогресс. С. 25–67.
- Парсонс Т. (1998) Система современных обществ. М.: Аспект Пресс
- Парсонс Т. (2002) О социальных системах. М.: Академический проект.
- Плискевич Н.М. (1) (2015) Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства // *Мир России*. № 1. С. 8–34.
- Плискевич Н.М. (2) (2015) Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Могут ли регионы начать свой путь к модернизации? // *Мир России*. № 2. С. 89–104.
- Плискевич Н.М. (2006) Власть-собственность в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России* № 3. С. 62–113.
- Померанц Г.С. (1995) Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур // *Померанц Г.С. Выход из транс*. М.: Юрист. С. 205–227.
- Померанц Г.С. (1996) Вокруг предвечной башни // *Дружба народов*. № 10. С. 150–156.
- Проблемы культурного пограничья (2014). М.: ИМЛИ РАН.
- Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. (ред.) (2007) Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН.
- Сea Л. (1989) Философия американской истории: судьбы Латинской Америки. М.: Прогресс.
- Седов Л.А. (1987) К типологизации средневековых общественных систем Востока. Попытка системного подхода // *Народы Азии и Африки*. № 5. С. 56–62.
- Степанов Г.В., Балашов Н.И., Бердников Г.П., Земсков В.Б., Кутейщикова В.Н., Тертерян И.А. (ред.) (1985, 1988, 1994, 2004, 2005) История литератур Латинской Америки. М.: Наука, Наследие, ИМЛИ РАН.
- Хомяков А.С. (1994) Сочинения: в 2 т. Т. 1. Работы по историософии. М.: Моск. филос. фонд: Медиум.
- Цивилизационные исследования (1996). М.: ИЛА РАН.

- Шемякин Я.Г. (1987) Латинская Америка: традиции и современность. М.: Наука.
- Шемякин Я.Г. (2001) Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука.
- Шемякин Я.Г. (1) (2007) Вера и рации в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. № 3. С. 78–92.
- Шемякин Я.Г. (2) (2007) Латиноамериканская цивилизация: основные ценности и институты // Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. (ред.) Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН. С. 9–28.
- Шемякин Я.Г. (3) (2007) Пограничные цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка. № 7. С. 75–84.
- Шемякин Я.Г. (2008) Цивилизации «пограничного типа»: формирование концепции // Мосейко А.Н., Следзевский И.В. (ред.) Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». С. 100–148.
- Шемякин Я.Г. (1) (2013) Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 42. М.: ИВИ РАН. С. 23–45.
- Шемякин Я.Г. (2) (2013) О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта в цивилизациях «пограничного» типа // Вестник Томского Государственного университета. Серия «История». № 1. С. 15–25.
- Шемякин Я.Г. (1) (2014) К вопросу о методологии цивилизационных исследований // Цивилизации. Вып. 9. М.: Наука. С. 27–57.
- Шемякин Я.Г. (2) (2014) Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе (О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта) // Ответственные науки и современность. № 2. С. 113–123; № 3. С. 119–129.
- Шемякин Я.Г. (3) (2014) Мыслеобраз границы: социокультурные проекции // *Przegląd wschodnioeuropejski [East European Review]*. V/1. С. 149–161.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2007) Соотношение веры и рации в цивилизационном «пограничье»: российские параллели латиноамериканского опыта // Латинская Америка. № 11. С. 58–77.
- Шемякина О.Д. (2011) Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания: дисс. на соис. ученой степени канд. ист. наук. М.
- Шкаратан О.И. (1) (2014) Евразийский вектор русского цивилизационного транзита. Статья 2. Исторические корни специфической русской цивилизации и направления ее транзита // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 59–72.
- Шкаратан О.И. (2) (2014) Евразийский вектор русского цивилизационного транзита. Статья 2. Евразийство и пути русского транзита // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 98–113.
- Шкаратан О.И. и др. (2009) Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Юхименко Е.М. (ред.) (1994, 1999, 2004, 2010) Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Вып. 1–4. М.: Археогр.центр, Языки русской культуры.
- Яковенко И.Г. (1996) Проблема научного метода в цивилизационных исследованиях // Цивилизационные исследования. М.: ИЛА РАН. С. 233–243.
- Яковенко И.Г. (ред.) (2007) Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М.: Наука.
- Cavarozzi M. (1992) Beyond Transitions to Democracy in Latin America // *Journal of Latin American Studies*, no 3, pp. 665–684.
- Cavarozzi M. (1995) Mexican Political Formula: Past and Present // *The Politics of Economic Restructuring: State-Society Relations and Regime Change in México* (eds. Cook M.L., Middlebrook K.J., Horcasitas J.M.), San Diego, pp. 307–325.
- Cavarozzi M. (1997) Autoritarismo y democracia (1955–1996) // *La transición del Estado al Mercado en la Argentina*. Buenos Aires: Ariel.
- Iberica Americans (1991, 1994, 1997, 2002, 2009). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Nauka; Nasledie, IMLI RAN.
- Parsons T. (1937) *The Structure of Social Action*. New York.
- Parsons T. (1951) *The Social System*. New York.
- Parsons T. (1964) *Essays in Sociological Theory*. New York; London.

- Parsons T. (1969) *Politics and Social Structure*. New York.
- Parsons T. (1971) *The System of Modern Societies*. New Jersey: Englewood Cliffs.
- Parsons T. (1977) *The Evolution of Societies*. New Jersey: Englewood Cliffs.
- Paz O. (1981) *El laberinto de la soledad*. México: Fondo de cultura económica.
- Paz O. (1986) *One Earth, Four o Five Worlds*. *Reflections on Contemporary History*. San Diego. New York. London: A Harvest/HBJ Book.
- Ribeiro D. (1977) *Las Américas y la civilización*. México.
- Sambarino M. (1980) *Identidad, tradición, autenticidad: Tres problemas de América Latina*. Caracas: Centro de Estudios Latinoamericanos Rómulo Gallegos.
-
-

A Comparison of Russia and Latin America as Civilizations: Reflections on the Books of Zemskov

Ya. SHEMYAKIN*

*Yakov Shemyakin – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Latin America. Address: 21, Bolschaya Ordinka St., Moscow, 115035, Russian Federation. E-mail: shemyakin3@gmail.com

Citation: Shemyakin Ya. (2016) A Comparison of Russia and Latin America as Civilizations: Reflections on the Books of Zemskov. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 154–180 (in Russian)

Abstract

This article compares the cultural and historical entities of Russia and Latin America in the context of the theoretical heritage of Zemskov (1940–2012) elaborating on the argument, according to which the Latin American and the Russian-Eurasian macrosocial entities can be defined as ‘borderline’ civilizations. The borderline nature of these civilizations is based on how they succeed in maintaining a specific relationship between the principles of unity and the principles of diversity. Whereas the principles of diversity play the dominant role in the cultural make-up of these civilizations, their unity and internal integrity is nevertheless real. One of the main results is the conclusion that the integrity of Russia and Latin America is based on ‘reciprocal support’. The author traces the ways in which the logic of ‘reciprocal support’ is manifested in various spheres of Russian and Latin American life. Particular attention is paid to a comparative institutional analysis of ‘borderline’ civilizations.

Keywords: civilization, comparative civilizational research, classic civilization, borderline civilization, antinomy, ambivalence, reciprocal support

References

- Akhiezer A.S. (1991) *Rossiia: Kritika istoricheskogo opyta. T. 1–3* [Russia: A Critique of Historical Experience. Vol. 1–3], Moscow: Izd-vo FO SSSR.
- Averincev S.S. (1997) *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [The Poetics of Early Byzantine Literature], Moscow: Coda.
- Bakhtina O.N. (1999) *Starobryadcheskaya literatura i traditsii khristianskogo ponimaniya slova* [Old Believer Literature and Traditions of the Christian Understanding of the Word], Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.
- Berdyaev N.A. (1) (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and the Meaning of the Russian Communism], Moscow: Nauka.
- Berdyaev N.A. (2) (1990) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia], Moscow: Sovetskii pisatel'.
- Berdyaev N.A. (1992) *Dusha Rossii* [The Soul of Russia]. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya* [Russian Idea], Moscow: Respublika, pp. 296–312.
- Cavarozzi M. (1992) Beyond Transitions to Democracy in Latin America. *Journal of Latin American Studies*, no 3, pp. 665–684.
- Cavarozzi M. (1995) Mexican Political Formula: Past and Present. *The Politics of Economic Restructuring: State-Society Relations and Regime Change in México* (eds. Cook M.L., Middlebrook K.J., Horcasitas J.M.), San Diego, pp. 307–325.
- Cavarozzi M. (1997) Autoritarismo y democracia (1955–1996). *La transición del Estado al Mercado en la Argentina*, Buenos Aires: Ariel.
- Danilevskii N.J. (1991) *Rossiia i Evropa* [Russia and Europe], Moscow: Kniga.
- Descartes R. (1950) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Gospolitizdat.
- Dutchak E.E. (2007) *Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI vv.)* [From “Babylon” to “Belovodiye”: the Adaptive Capacity of Taiga Communities of Old Believers-Wanderers (Second Half of XIX – Beginning of XXI centuries)], Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta.
- Dutchak E.E. (2010) Geopoliticheskaya simbolika skvoz' prizmu eskhatologii (Voprosy formirovaniya sotsial'noi osnovy staroveriya) [The Geopolitical Symbolism Through the Prism of Eschatology (Issues of the Social Foundations of the Old Belief)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 163–172.
- Dutchak E.E. (2011) Kirillicheskie knizhnye sobraniya i ikh vladel'tsy: sravnitel'nyi analiz konfessional'nykh strategii staroveriya [Cyrillic Book Collections and Their Owners: a Comparative Analysis of the Confessional Strategies of the Old Believers]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, series «History», no 4, pp. 75–88.
- Gachev G.D. (1981) *Obraz v russkoi khudozhestvennoi kul'ture* [The Image in Russian Culture], Moscow: Iskusstvo.
- Gefter M.Ya. (1991) Dom Eurasia [Home Eurasia]. *Iz tech i etich let* [Out of the Past and Present Years], Moscow: Progress, pp. 460–467.
- Girin Y.N. (2008) *Poetika sverkhpredel'nosti. K interpretatsii khudozhestvennykh protsessov latinoamerikanskoi kul'tury* [The Poetics of Extremes. On the Interpretation of Artistic Processes in Latin American Culture], Saint Petersburg: Aleteya.
- Iberica Americans* (1991, 1994, 1997, 2002, 2009), Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Nauka; Nasledie, IMLI RAN.
- Ilyin V.N. (1997) *Esse o russkoi kul'ture* [Essays on the Russian Culture], Saint Petersburg: Akropol'.
- Kerov V.V. (2004) «Se chelovek i delo ego...». *Konfessional'no-eticheskie faktory starobryadcheskogo predprinimatel'stva v Rossii* [«Behold the Man and His Work» Religious and Ethical Factors of the Old Believer Entrepreneurship in Russia], Moscow: EKON – INFORM.
- Khomyakov A.S. (1994) *Sochineniya: v 2 t. T.1. Raboty po istoriosofii* [Works: in 2 volumes. V.1. Work on the Philosophy of History], Moscow: Mosk.filos.fond: Medium.
- Kofman A.F. (1997) *Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira* [Latin American Artistic Image of the World], Moscow: Nasledie.

- Kofman A.F. (2012) *Ispanskii konkistador. Ot teksta k rekonstruktsii tipa lichnosti* [Spanish Conquistador. From the Text to the Reconstruction of Personality Type], Moscow: IMLI RAN.
- Kondakov I.V. (1997) *Vvedenie v istoriyu russkoi kul'tury* [Introduction to the History of Russian Culture], Moscow: Aspekt Press.
- Lossky N.O. (1990) *Kharakter russkogo naroda. Kn. 1–2* [The Nature of the Russian People. Books 1–2], Moscow: Izd-vo «Kljuch».
- Nureev R.M., Latov J.V. (2010) Postsovetskoe institutsional'noe razvitiye: v poiskakh vykhoda iz kolei vlasti-sobstvennosti [Institutional Development in Post-Soviet Russia: in Search for an Escape from the Path-dependence of 'Power-Ownership']. *Mir Rossii*, no 2, pp. 50–88.
- Parsons T. (1937) *The Structure of Social Action*, New York.
- Parsons T. (1951) *The Social System*, New York.
- Parsons T. (1964) *Essays in Sociological Theory*, New York; London.
- Parsons T. (1965) Obshcheteoreticheskie problemy sotsiologii [General Theoretical Problems of Sociology]. *Sotsiologiya segodnya: Problemy i perspektivy* [Sociology Today: Problems and Perspective] (eds. Merton R.K., Brum L., Kotrell L.S.), Moscow: Progress, pp. 25–67.
- Parsons T. (1969) *Politics and Social Structure*, New York.
- Parsons T. (1971) *The System of Modern Societies*, New Jersey: Englewood Cliffs.
- Parsons T. (1977) *The Evolution of Societies*, New Jersey: Englewood Cliffs.
- Parsons T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies], Moscow: Aspekt Press.
- Parsons T. (2002) *O sotsial'nykh sistemakh* [On Social Systems], Moscow: Akademicheskii proekt.
- Paz O. (1981) *El laberinto de la soledad*, México: Fondo de cultura económica.
- Paz O. (1986) *One Earth, Four or Five Worlds. Reflections on Contemporary History*, San Diego. New York. London: A Harvest/HBJ Book.
- Pliskevich N.M. (2006) Vlast'-sobstvennost' v sovremennoi Rossii: proiskhozhdenie i perspektivy mutatsii [Power-Ownership in Modern Russia: the Origins and Prospects of Mutations]. *Mir Rossii*, no 3, pp. 62–113.
- Pliskevich N.M. (1) (2015) Transformatsiya sistemy vlasti-sobstvennosti v Rossii: regional'nyi aspekt. Reformy i kachestvo gosudarstva [The Transformation of 'Power-Ownership' Relations in Russia: a Regional Perspective on the Reforms and the Quality of the State]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 8–34.
- Pliskevich N.M. (2) (2015) Transformatsiya sistemy vlasti-sobstvennosti v Rossii: regional'nyi aspekt. Mogut li regiony nachat' svoi put' k modernizatsii? [The Transformation of 'Power-Ownership' Relations in Russia: Would Regions Pave the Path Towards Modernization?]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 89–104.
- Pomeranz G.S. (1995) Teoriya sub'ekumen i problema svoeobraziya stykovykh kul'tur [The Theory of the Subecumenes and the Problem of the Specific Features of Joint-Cultures]. Pomeranz G.S. *Vykhod iz transa* [Way out of the Trance], Moscow: Yurist, pp. 205–227.
- Pomeranz G.S. (1996) Vokrug predvechnoi bashni [Around the Eternal Tower]. *Druzhba narodov*, no 10, pp. 150–156.
- Problemy kul'turnogo pogranich'ya* [Problems of Cultural Borderland] (2014), Moscow: IMLI RAN.
- Rashkovskii E.B., Khoros V.G. (eds.) (2007) *Latinoamerikanskaya tsivilizatsionnaya obshchnost' v globaliziruyushchemsya mire* [Latin-American Civilization Community in a Globalizing World], Moscow: IMEMO RAN.
- Ribeiro D. (1977) *Las Américas y la civilización*, México.
- Sambarino M. (1980) *Identidad, tradición, autenticidad. Tres problemas de América Latina*, Caracas: Centro de Estudios Latinoamericanos Rómulo Gallegos.
- Sedov L.A. (1987) K tipologizatsii srednevekovykh obshchestvennykh sistem Vostoka. Popytka sistemnogo podkhoda [On the Typology of Medieval Social Systems of the East. Exercising a Systemic Approach]. *Narody Azii i Afriki*, no 5, pp. 56–62.
- Shemyakin Ya.G. (1987) *Latinskaya Amerika: traditsii i sovremennost'* [Latin America: Tradition and Modernity], Moscow: Nauka.
- Shemyakin Ya.G. (2001) *Evropa i Latinskaya Amerika: Vzaimodeistvie tsivilizatsii v kontekste vseмирnoi istorii* [Europe and Latin America: The Interaction of Civilizations in the Context of the World History], Moscow: Nauka.

- Shemyakin Ya.G. (1) (2007) Vera i ratsio v dukhovnom kosmose latinoamerikanskoi tsivilizatsii [Faith and Rationality in the Spiritual Space of the Latin American Civilization]. *Latinskaya Amerika*, no 3, pp. 78–92.
- Shemyakin Ya.G. (2) (2007) Latinoamerikanskaya tsivilizatsiya: osnovnye tsennosti i instituty [Latin American Civilization: the Basic Values and Institutions]. *Latinoamerikanskaya tsivilizatsionnaya obshchnost' v globaliziruyushchetsya mire* [Latin American Civilization Community in the Globalizing World] (eds. Rashkovskii E.B., Khoros V.G.), Moscow: IMeMO RAN, pp. 9–28.
- Shemyakin Ya.G. (3) (2007) Pogranichnye tsivilizatsii planetarnogo masshtaba. Osobennosti i perspektivy evolyutsii [Borderline Civilizations of Planetary Scale. Specific Features and Prospects of Evolution]. *Latinskaya Amerika*, no 7, pp. 75–84.
- Shemyakin Ya.G. (2008) Tsivilizatsii «pogranichnogo tipa»: formirovanie kontseptsii [Conceptualizing ‘Borderline’ Civilizations]. *Sotsiokul'turnoe pogranich'e kak fenomen mirovykh i rossiiskikh transformatsii* [Socio-cultural Borderlands as a Phenomenon of Russian and World Transformation] (eds. Moseiko A.N., Sledzevskii I.V.), Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», pp. 100–148.
- Shemyakin Ya.G. (1) (2013) Fenomen «pogranichnosti»: sotsiokul'turnoe sodержanie i istoricheskie tipy [The Phenomenon of Cultural ‘Borderlines’: the Socio-Cultural Content and Historical Types]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History]. Issue 42, Moscow: IVI RAN, pp. 23–45.
- Shemyakin Ya.G. (2) (2013) O kharaktere sootnosheniya Yazyka, Teksta i Shrifta v tsivilizatsiyakh «pogranichnogo» tipa [The Nature of the Relation of Language, Text and Type in ‘Borderline’ Civilizations]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta*, series «History», no 1, pp. 15–25.
- Shemyakin Ya.G. (1) (2014) K voprosu o metodologii tsivilizatsionnykh issledovaniyakh [On the Question of the Methodology of Civilizational Studies]. *Tsivilizatsii*. Vyp. 9. [Civilizations], Moscow: Nauka, pp. 27–57.
- Shemyakin Ya.G. (2) (2014) Sub'ekumeny i «pogranichnye» tsivilizatsii v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive (O kharaktere sootnosheniya Yazyka, Teksta i Shrifta) [Subecumenes and “Borderline” Civilizations in the Comparative-Historical Perspective (On the Nature of the Relation of Language, Text and Type)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 113–123; no 3, pp. 119–129.
- Shemyakin J.G. (3) (2014) Mysleobraz granicy: sotsiokul'turnye proektsii [The Mental Image of Frontier: Socio-Cultural Projection]. *Przeglad wschodnioeuropejski* [East European Review]. V. 1, pp. 149–161.
- Shemyakin Ya.G., Shemyakina O.D. (2007) Sootnoshenie very i ratsio v tsivilizatsionnom «pogranich'e»: rossiiskie paralleli latinoamerikanskogo opyta [The Relationship Between Faith and Rationality in ‘Borderline’ Civilizations: the Latin American Experience, Russian Parallels]. *Latinskaya Amerika*, no 11, pp. 58–77.
- Shemyakina O.D. (2011) *Tsivilizatsionnyi podkhod k istorii Rossii kak fakt istoriografii i metod poznaniya* [Civilizational Approach to the History of Russia as a Fact of Historiography and the Method of Knowledge], the thesis for the degree of candidate of historical sciences, Moscow.
- Shkaratan O.I. (1) (2014) Evraziiskii vektor russkogo tsivilizatsionnogo tranzita. Stat'ya 2. Istoricheskie korni spetsificheskoi russkoi tsivilizatsii i napravleniya ee tranzita [The Eurasian Vector of Russian Civilizational Transition. Article 2. The Historical Roots of Particular Russian Civilization and the Directions of its Transition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 59–72.
- Shkaratan O.I. (2) (2014) Evraziiskii vektor russkogo tsivilizatsionnogo tranzita Stat'ya 3. Evraziistvo i puti russkogo tranzita [The Eurasian Vector of Russian Civilizational Transition. Article 3. The Eurasianism and the Ways of Russian Transition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 98–113.
- Shkaratan O.I. and al. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremenni Rossii* [Socioeconomic Inequality and its Reproduction in Modern Russia], Moscow: OLMA Media Grupp.

- Stepanov G.V., Balashov N.I., Berdnikov G.P., Zemskov V.B., Kuteishchikova V.N., Terteryan I.A. (eds.) (1985, 1988, 1994, 2004, 2005) *Istoriya literatur Latinskoj Ameriki* [Literary History of Latin America], Moscow: Nauka, Nasledie, IMLI RAN.
- Tsivilizatsionnye issledovaniya* (1996) [Civilization Research], Moscow: ILA RAN.
- Yakovenko I.G. (1996) Problema nauchnogo metoda v tsivilizatsionnykh issledovaniyakh [The Problem of Scientific Method in Civilization Research]. *Tsivilizatsionnye issledovaniya*, Moscow: ILA RAN, pp. 233–243.
- Yakovenko I.G. (ed.) (2007) *Rossiya kak tsivilizatsiya: Ustoichivoe i izmenchivoe* [Russia as a Civilization: Stability and Variability], Moscow: Nauka.
- Yukhimeko E.M. (ed.) (1994, 1999, 2004, 2010) *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.) Vyp. 1–4* [Old Belief in Russia (XVII–XVIII). Issues 1–4], Moscow: Arheogr.cent, Yazyki russkoi kul'tury.
- Zea L. (1989) *Filosofiya amerikanskoj istorii: sud'by Latinskoj Ameriki* [The Philosophy of American History: the Fate of Latin America], Moscow: Progress.
- Zemskov V.B. (2014) *O literature i kul'ture Novogo Sveta* [About the Literature and Culture of the New World], Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Gnozis.
- Zemskov V.B. (2015) *Obraz Rossii v sovremennom mire i drugie syuzhety* [The Image of Russia in the Modern World, and Other Subjects], Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Gnozis.
- Zhivov V.M. (2002) Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema [The History of Russian Law as a Lingvosemiotical Problem]. Zhivov V.M. *Iz istorii russkoi kul'tury*. T. II. Kn. 1 Kievskaya i Moskovskaya Rus' [From the History of Russian Culture. Vol. II. Book 1. Kiev and Moscow Russia], Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 652–758.